

I. ПРАВО

1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

1.1. СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В РАКУРСЕ ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЙ ТЕОРИИ ПРАВА

Хмелевская Светлана Анатольевна, доктор философских наук, профессор, профессор философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Место работы: МГУ им. М. В. Ломоносова

xmelevsk@mail.ru

Яблокова Наталья Игоревна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии ФГОУ ВПО МГТУ «СТАНКИН»

Место работы: ФГОУ ВПО МГТУ «СТАНКИН»

Аннотация: в статье представлена авторская позиция по вопросу философских оснований теории права, в которых различаются рефлексивные и валюативные философские основания. С этих позиций рассмотрена тема социальной справедливости в праве, применительно к которой общая трактовка справедливости в рамках нормативного подхода в праве может быть отнесена к валюативной, а частная трактовка справедливости в дескриптивном подходе – к рефлексивной философии.

Ключевые слова: валюативная философия, рефлексивная философия, философские основания права, справедливость, теория права.

SOCIAL JUSTICE FORESHORTED BY PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF THEORY OF LAW

Khmelevskaya Svetlana Anatolievna, doctor of philosophical sciences, professor, professor of philosophical faculty of Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Work place: Moscow State University named after M. V. Lomonosov

xmelevsk@mail.ru

Yablokova Natalia Igorevna, doctor of philosophical sciences, professor, professor of chair of philosophy of FSEI of HPE Moscow State Technological University «Stankin»

Work place: FSEI of HPE Moscow State Technological University «Stankin»

Annotation: this article presents author's position on philosophical foundations of theory of law, in which different reflective and valuative philosophical foundations. From this perspective, addressed topic of social justice in law, with respect to which general interpretation of justice within the right normative approach can be attributed to valuative and private treatment in descriptive approach – a reflective philosophy.

Keywords: valuative philosophy, reflective philosophy, philosophical foundations of law, justice, theory of law.

Проблема философских оснований теории права является одной из дискуссионных, как в философской,

так и юридической литературе¹. И это неслучайно, так как закончившийся этап монополизации марксистских философских оснований российской теории права потребовал новых, что, собственно, и породило многочисленные дискуссии. Аналогичная ситуация сложилась во всех социально-гуманитарных науках.

В настоящее время исследователями предлагаются разные варианты решения проблемы: исключить вообще данную тему для обсуждения (это – жесткий вариант решения проблемы в духе классического позитивизма, хотя имеется и более мягкий вариант исключения из рассмотрения данной темы – провозглашение торжества методологии дескриптивизма с ее интенцией к описательности и, соответственно, отнесения философских оснований к нормативизму, который, как предполагается, себя уже исчерпал для конкретных наук²); искать новую фундаментальную философскую теорию, которая может прийти на смену марксизму; вернуться к обновленному марксизму; исходить из принципа полифундаментальности философских оснований и строить вариативные модели теории права (при этом может быть как соединение разнородного, так и построение некой интегративной схемы такого соединения).

Философские основания входят в состав метатеоретического уровня научного знания и выступают в данном случае как принципиально неустранимые. Поэтому оставить без обсуждения тему философских оснований, например, в теории права, не представляется возможным с точки зрения научного познания. Что касается дескриптивизма, то он не только не устраняет нормативизм, но и негласно допускает его элементы, не акцентируя на них внимание. Искать одну фундаментальную теорию в качестве философских оснований той же теории права, в условиях, когда еще на этапе неклассической науки пришло осознание полифундаментальности оснований научной теории, также представляется неэффективным. Полагаем, что более интересен (и методологически правилен) вариант построения модели философских оснований конкретной науки, исходящий из отсутствия монополизации на истину в рамках одной философской теории и в то же время базирующийся на принципе конкретности истины, который означает, что на каком-то историческом этапе именно эта, а не другая философская теория выступает как более адекватная собственным основаниям конкретной науки и объективным реалиям.

¹ См.: Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. – 2003. – №6; Толстик В.А. От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Государство и право. – 2004. – №9 и др.

² Такой подход нашел отражение и в учебной литературе. См.: Экономика / Под ред. Архипова А.И., Большакова А.К. Изд. 3-е, перераб., дополн. – М., 2005. – С.34.

В связи с этим раскроем структуру оснований науки³. В ней, прежде всего, выделяются собственные основания (совокупность базисных концепций, терминов, принципов, составляющих ядро науки); логико-методологические основания (ее логика и методология); лингвистические основания (язык конкретной науки) и философские основания (те философские концепции, теории, чей категориально-понятийный аппарат, принципы и положения используются в конкретной науке), которые, в свою очередь, подразделяются на онтологические, гносеологические, аксиологические. При этом философские и собственные основания конкретной науки должны соответствовать друг другу.

Однако проблема усложняется тем обстоятельством, что, с одной стороны, философское знание амбивалентно, и, по меньшей мере, в нем можно выделить рефлективное знание, которое стремится выразить сущность любого объекта в логике его существования (полагаем, что позиция рефлективной философии более близка к дескриптивизму), и знание валюативное, которое вписывает конкретно-научное знание в плоскость аксиологии, рассматривая его с позиции ценностных ориентаций. С другой стороны, сама теория права, будучи отнесенной к социально-гуманитарному знанию, содержит в себе и все его родовые характеристики, а именно те, которые раскрываются в личностном измерении права, его гуманистическом потенциале, формировании определенных смыслов, имеющих ценностное измерение.

Поэтому в том случае, когда теория права выступает как знание, которое описывает правовую реальность в собственной логике ее существования, тогда ей должна соответствовать рефлективная философия, которая может существовать на разных методологических основаниях, но при одном условии, что именно эти основания корреспондируют с собственными основаниями теории права, претендуют на верифицируемость излагаемых суждений, обладают эвристическим потенциалом, акцентируют внимание не на мире должного, а на мире сущего⁴. Именно по отношению к рефлективной философии, собственно, и применимо гносеологическое понятие истины.

Не так однозначен вопрос с валюативной философией, в которой речь идет об аксиологическом измерении, фактически нормативистском подходе к нему права. В данном случае нет и не может быть единственно верной философии, претендующей на роль аксиологических оснований теории права.

Тем не менее, нельзя отреагировать и на тот подход, который был представлен в работах В.С. Нерсесянца. Суть этого подхода – в отрицании аксиологических оснований теории права на уровне философии и выработке их непосредственно самим правом. При построении собственно философских аксиологических оснований права «проблематика правовой ценности закона (позитивного права) и государства подменяется

их нравственной (моральной, религиозной) оценкой и соответствующим требованием того или иного (неизбежно-релятивного, частного, особенного) нравственного или смешанного нравственно-правового содержания позитивного права и государственной деятельности»⁵. Отсюда, право – уже само по себе есть ценность, в том числе и воплощение реальной справедливости⁶, а все попытки построить аксиологическую модель права со стороны философии – не более как попытка навязать праву моральные смыслы. «Понимание права как равенства, как общего масштаба и равной меры свободы людей включает в себя с необходимостью и справедливость. Право, по определению, справедливо, а справедливость – внутреннее свойство и качество права»⁷. Все это позволяет говорить о собственной ценности права, которая состоит в том, что право выражает свободу людей на основе упорядоченных отношений в соответствии со справедливостью, необходимостью согласования воли и интересов личности, общества, государства, а также социальных групп, классов, этносов и иных общностей людей⁸.

При всем восхищении многими новаторскими идеями В.С. Нерсесянца мы не можем согласиться с данной позицией, которая, по сути, является особой разновидностью юридического позитивизма, отрицающего философские (в данном случае аксиологические) основания теории права. Во-первых, аксиологические основания теории права не сводятся только к положениям, вырабатываемым самим правом. Во-вторых, понять ценность права, можно только опираясь на широкий социальный контекст, в котором сформулированы определенные смыслы. Другими словами, понять ценность права может только человек, который по своим сформированным ценностным ориентациям уже готов воспринять право как ценность. В-третьих, на формулирование собственной аксиологии права все равно оказывает влияние широкий социальный контекст. Поэтому сами правовые ценности изменяются под влиянием развития социума. В-четвертых, чтобы воспринять право как формальное равенство, воплощение справедливости само общество должно было проделать определенный путь своего социального и культурного развития. То есть формальное равенство в праве – это уже аксиологическая ценность, которая была сформулирована ранее, исходя из социокультурного контекста, а затем привнесена в теорию права. И, наконец, «о самой же формальной характеристике принципа справедливости в действительности нельзя сказать ничего, кроме того, что она представляет собой определенную меру, то

⁵ Нерсесянц В.С. Философия права. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2011. – С.55.

⁶ Слово «справедливость» (лат. «justitia») восходит к слову «право» (лат. «jus»). С латинского слово «юстиция» переводится на русский язык и как справедливость, и как правосудие. А античная богиня справедливости Фемида являлась в римской мифологии одновременно и богиней правосудия. Справедливо все то, что выражает право, соответствует и следует ему. Действовать по справедливости означает действовать по всеобщим и равным требованиям права //Хмелевская С.А., Соломатин В.А., Хмелевский С.В. Система гуманитарного и социально-экономического знания. – М., 2001. – С.722.

⁷ Указ. соч. – С.722.

⁸ Там же.

³ Подробнее см.: Ильин В.В. Философия и история науки. – М., 2005; Степин В.С. История и философия науки. – М., 2011; Хмелевская С.А. Современная российская теория права: поиски новых философских оснований //«Черные дыры» в российском законодательстве. – 2012. – №1 и др.

⁴ Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Ч.1. – М., 2013. – С.9.

есть чистую соразмерность»⁹, то есть в теоретическом плане – это беднейшая абстракция.

Стремясь оправдать подход к праву как формальному равенству, В.В. Лапаева пишет, что такое равенство всегда есть теоретическая (логическая) абстракция, которая в чистом виде не существует в фактической реальности¹⁰. Автор забывает, что ведение абстракции предполагает и ее объективацию. Введя понятие «справедливость» в качестве абстракции – идеализированного конструкта, необходимо раскрыть и пути ее объективации применительно к правовой реальности. Поэтому говорить о дихотомии формальной и фактической справедливости можно весьма условно.

Хотя, не вызывает сомнений, что высказанная В.С. Нерсисянцем позиция интересна в том отношении, что она переводит проблему смыслов на уровень собственных оснований права (такие ценности, вырабатываемые самим правом, некоторые авторы называют эйдетическими ценностями¹¹). Однако недостатком такого подхода является упрощенный взгляд на решение аксиологических проблем права.

Отметим, что такой подход противоречит и особенностям постнеклассической науки, которая исходит из того, что ее аксиологическая направленность не может не исходить из общей системы ценностей, принятых в обществе (гуманитарный антропоморфизм)¹². Поэтому представляется более точной позиция тех авторов, которые полагают, что «ценностями в праве являются общие социальные ценности, которые в качестве идеалов структурируют правосознание, воплощаясь в правовых ценностях»¹³.

Вызывает вопросы и утверждение В.С. Нерсисянца, повторенное вслед за ним другими авторами¹⁴, что право несправедливым быть не может (можно говорить только о справедливости или несправедливости закона). Но право, по Нерсисянцу, – это формальное равенство¹⁵ и равенство, в первую очередь, всех перед законом. Но если законы несправедливы, то тогда это будет равенство всех в несправедливости. Нужно ли тогда такое право представлять как ценность?

В этой связи представляются весьма верными утверждения В.Д. Зорькина, что «право как форма содержательно... Поскольку форма и содержание находятся в единстве, постольку можно и нужно

говорить о юридической (правовой) целесообразности»¹⁶.

Кроме того, рассмотрение равенства в праве только с точки зрения формы («равное – всем») без реального наполнения конкретным правовым содержанием – мало эвристично. Оно эвристично только в указании на сам факт того, что право вырабатывает внутренне присущие ему ценности, выполняя особую миссию в обществе и имея собственную логику развития. Но при этом последние должны не отрываться от социокультурного контекста, а быть вписаны в него.

Рассмотрение права с позиций абсолютной ценности и приводит к высказываниям, что «право – по своей сути нечто большее, чем человеческое изобретение или воплощенная в его нормах идея»¹⁷. А далее – один шаг до того, чтобы назвать право божественным изобретением и перейти к теологии.

Интересен и подход тех авторов, которые пытаются отделить ценности, в том числе и правовые ценности, от реального мира. Так, И.Д. Мишина пишет, что «ценности являются сущностями особого рода, бытие которых подчинено законам, отличным от бытия материального мира»¹⁸. Все это сродни платоновскому миру идей, когда справедливость в мире есть воплощение идеи справедливости.

Таким образом, теория права, так или иначе, не может обойтись без валюативной философии, которая раскрывает аксиологические основания права. При выборе валюативной философии в качестве философских оснований права решение проблемы может быть в нескольких плоскостях:

- ее выбор может быть обусловлен опорой на традиционные ценности, которые воплощает данная философия (в этой связи характерен пример с прагматизмом, который, по сути, выразил черты и ценности сознания простого североамериканца¹⁹), говоря словами М. Вебера, используя традиционный подход²⁰;

- можно при выборе такой философии апеллировать к международному сообществу, которое выработало базисные позиции по отношению к важнейшим ценностям (в этом случае международное сообщество выступает как некий арбитр);

- он может быть детерминирован экономической или политической целесообразностью, то есть выстроен на ситуативных основах (целерациональный подход, по М. Веберу);

- наконец, такой выбор может быть обусловлен интересами конкретных социальных групп, стоящих у кормила публичной власти. По сути, неважно, как была выбрана та или иная валюативная философия, важно, насколько она оказалась эффективной, выступая в качестве аксиологических оснований теории права.

Конечно, здесь можно было бы утверждать, что и в валюативной философии имеет место единственно истинная (с гносеологической точки зрения) теория, которая могла бы послужить аксиологическим основанием права. Например, за основу ее нахождения можно было бы взять критерий общественной выживаемости. Согласно такому подходу, истинно то, что приносит общественную

⁹ Пресняков М.В. Конституционная концепция принципа справедливости. – М., 2009.

¹⁰ Лапаева В.В. Правовой принцип формального равенства // Журнал российского права. – 2008. – №2.

¹¹ Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. – СПб., 2001.

¹² Ильин В.В. Философия и история науки. – С. 356.

¹³ Пресняков М.В. Конституционная концепция принципа справедливости.

¹⁴ Поляков А.В. Общая теория права.

¹⁵ В самой либертарно-юридической теории В.С. Нерсисянца есть ряд моментов, которые относятся к нормативному подходу в праве, например, принцип всеобщего формального равенства как базисное и единственное онтологическое основание права («равное – всем»). Но и этот принцип социокультурно детерминирован, хотя бы тем, что такой подход к праву появляется на определенных этапах истории. Кроме того, равенство – это в данном случае лишь беднейшая абстракция, ибо люди в реальности не равны друг другу. Поэтому эта абстракция должна наполниться конкретным содержанием.

¹⁶ Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. – 2008. – №12.

¹⁷ Мишина И.Д. Нравственные ценности в праве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1999.

¹⁸ Мишина И.Д. Указ. соч.

¹⁹ Зотов А.Ф., Мельвиль Ю.К. Буржуазная философия середины XIX – начала XX века. – М., 1988.

²⁰ Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. – М., 1990.

пользу и служит обеспечению функциональности инстинкта самосохранения общества. С этих позиций и предлагается оценивать ту или иную валюативную философию. Отсюда, ни одна философская концепция, направленная на обоснование истребления Человечества, антигуманная по своей сути, не может выступать в качестве аксиологического основания права.

Но что вызывает сомнение в правильности позиции, рассматривающей в качестве критерия истинности валюативной философии общественную полезность? Это – отсутствие единого стандарта такой общественной полезности. В условиях социально дифференцированного общества, где имеют место социальное неравенство, политическая вражда, конфессиональная и национальная нетерпимость найти такой консенсус относительно базовых ценностей весьма трудно.

Валюативная философия, определяющая некие конечные цели общественного развития, относится к сфере должного. И в этом плане ее нельзя верифицировать как научное знание. Но что объединяет рефлексивную и валюативную философии применительно к аксиологическим основаниям права? Их объединяет общее проблемное поле, когда ставятся вопросы не о конечных целях общественного развития, а о реальных способах построения той модели ценностей, которая позволит сформировать эффективную систему правового регулирования, правопорядка в конкретном обществе. С этих позиций выстроенная аксиологическая модель строится по принципу «ad hoc» – применительно к частному случаю. Это значит, что валюативная философия, применяемая в конкретной системе права, может быть неэффективна применительно к другой национальной правовой системе. Хотя, разумеется, не исключаются и те базовые ценности, которые приняты на наднациональном уровне, например, международным сообществом. Одновременно следует помнить, что общезначимость, адаптивность ценностных суждений не равна их гносеологической истинности.

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что валюативная философия должна быть направлена на нахождение консенсуса в обществе относительно базовых ценностей, учитывая исторические, национальные, религиозные особенности страны, оглядываясь на систему ценностей, принятых мировым сообществом, исходя из ситуативного контекста и понимая те задачи, которые стоят перед страной на данном этапе ее исторического развития.

Вместе с тем ценностное понимание мира может строиться на оценках двоякого рода: оценках, выражающих субъективные пристрастия, и оценках, базирующихся на рефлексивном знании.

Теперь попытаемся разобраться, как конкретно идет построение аксиологических оснований права на примере разных концептуальных моделей справедливости. «Справедливость» – категория, которая связана с особенностями морально-правового и социально-политического сознания. Справедливость подразумевает требование соответствия между правами и обязанностями, деянием и воздаянием, преступлением и наказанием, заслугами людей и их общественным признанием. Отсутствие здесь соответствия воспринимается как несправедливость.

Еще Аристотель абсолютно точно подметил одну из особенностей толкования понятия «справедливость» – отсутствие единых подходов: «Дело в том, что распределительное право, с чем все согласны, должно учитывать известное достоинство, правда, [«достоинством»] не все называют одно и то же, но сторонники демократии – свободу, сторонники олигархии – богатство, иные – благородное происхождение, а сторонники аристократии – добродетель»²¹.

Тем не менее, существующие модели социальной справедливости вписываются в рамки известных концепций, которые уже типологизированы в философской литературе²².

В связи с этим выделим либеральные концепции, которые также могут быть вариативны (И. Бентам, Р. Нозик, Д. Роулз, Р. Дворкин и пр.). В данных концепциях авторы пытаются сформировать модель социальной справедливости, которая зиждилась бы на сохранении свободы и автономии отдельной личности. По сути, это проявления деонтологического конструктивизма, так как авторы именно конструируют некую модель, которая основывается на тех принципах, которые воплощают идеалы свободы.

Так, в концепции либерального утилитаризма социальная справедливость понимается как достижение такого социального устройства, при котором достигнуто благополучие для большинства его граждан (то есть принцип предельной полезности). При этом не исключено и ограниченное государственное регулирование. Как утверждал И. Бентам – один из разработчиков этой концепции, гармония интересов невозможна без разумного законодательства, а одним из его важнейших направлений должно стать обеспечение, с одной стороны, для нуждающихся прожиточного минимума, а для остальных – обеспечение достатка²³.

Интересны рассуждения и Р. Нозика – идеолога либертарианства. Так, абсолютизируя личные права и свободы, философ сделал вывод, что они никогда не должны нарушаться, даже ради достижения общественных целей²⁴. При этом справедливость, по его мнению, проявляется: при приобретении собственности, ее передачи другому владельцу, возвращении незаконно приобретенной собственности ее владельцу.

Либерально-государственная концепция справедливости сформулирована Дж. Ролзом, которая может быть выражена в виде следующих двух принципов: «во-первых, каждое лицо (person), принимающее участие в какой-либо практике, или находящееся в сфере ее воздействия, имеет равное право на наиболее обширную свободу, совместимую с такой же свободой для всех остальных; и, во-вторых, неравенство допустимо только в том случае, если разумно ожидать, что оно будет выгодно для всех и при условии, что то общественное положение и те

²¹ Аристотель. Соч. В 4-х т. Т. 4. Никомахова этика. Большая этика. Политика. Поэтика. – М., 1976-1983. – С. 151.

²² Канарш Г.Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. – М., 2011.

²³ Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства. – М., 1998.

²⁴ Нозик Р. Анархия, государство и утопия. Пер. с англ. – М., 2008.

должности, с которыми оно связано, или из которых оно вытекает, являются доступными для всех»²⁵.

Модель справедливости разработана и перфекционистами, стремящимися отыскать эффективные («совершенные») модели социальной справедливости²⁶.

Однако в любом случае либеральные модели исходят из некоей системы ценностей, которая лежит в основе социальной справедливости. Это именно тот подход, который представлен валюативной философией и который может быть отнесен к нормативизму.

Иной подход разработан в коммунитаристских теориях (М. Дж. Сэндел, А. Сен, М. Уолцер, А. Макинтайр, Д. Белл, М. Нассбаум, Ч. Телор и др.). В них справедливость носит, скорее, дескриптивный, чем нормативный характер, так как, по мнению сторонников этой концепции, наши представления о справедливости – это не результат интеллектуального конструирования с помощью разума, а отражение тех исторических, экономических и иных условий, которые сложились в обществе и которые, по сути, и предзадали ту модель справедливости, которая здесь сложилась. Поэтому, говоря словами Р. Дворкина, оппонента этой концепции, в коммунитаристской (ее он называет натуралистической моделью) модели исследователь лишь открывает законы справедливости, которая сформирована в обществе, как если бы он открывал законы физики²⁷.

В связи со сказанным стоило бы вспомнить и ряд идей А.Ч. Макинтайра, одного из представителей коммунитаризма, который выстроил свою концепцию социальной справедливости с учетом принципа заслуг. Внесший в общее дело больше, должен за это и получить больше²⁸.

Коммунитаристская теория ближе к рефлексивной философии, которая стремится познать, что такое справедливость с позиции логики развития социума.

Безусловно, и в одной, и в другой моделях есть свои положительные и отрицательные стороны. Так, сильной чертой коммунитаризма можно считать его стремление описать справедливость как то, что имеет онтологические основания в социуме и подчиняется его законам. Но здесь справедливость, скорее, выступает как критерий эффективности/неэффективности функционирования конкретного общества, в том числе и его системы права. Все обвинения в релятивизме этой модели легко разбиваются с позиций феноменологической методологии Э.Гуссерля, которая дает возможность сформировать общее представление о справедливости, находя инварианты в вариативных дескрипциях²⁹. Что, собственно, и сделал Макинтайр, когда его стали критиковать за невозможность создания единой модели справедливости в истории общества, он указал на возможность сформировать такую модель на основе некоего инварианта.

Либеральные (конструктивистские) модели также были раскритикованы за их оторванность от социальной основы, произвольность такого конструирования. Но надо помнить, что для развития социума важны и смыслы, идеалы, то есть идеальные интенции (установки и предпочтения), выступающие как предписания человеческого поведения, взятого в модальности «долженствования»³⁰. И справедливость с позиции нормативизма не менее важна, как и отыскание некоего варианта ее восприятия.

Эти две модели весьма характерны именно тем, что показывают соотношение рефлексивной и валюативной философии в качестве оснований теории права. И если в рамках коммунитаристских теорий (которые ближе к рефлексивной философии) возможно формирование единой философской позиции, то в рамках нормативных теорий (отражающих валюативную философию) – вряд ли, так как такого рода концепции, как правило, базируются на разных основаниях. В приведенном выше примере они строятся на либеральной основе и поэтому могут быть восприняты, как единое целое. Но даже в рамках либеральной модели они разнятся. Хотя нормативистская модель может быть выражена не только идеями либерализма, но и, например, патернализма, в которой модель справедливости связывается с решающей ролью государства.

Как уже отмечалось, нормативистские модели, строящиеся на валюативной философии, можно и нужно рассматривать с позиций плюрализма. Хотя, наверное, следует согласиться с М. Уолцером, что плюрализм должен быть не только в рамках одной валюативной философии, но и даже применительно к разным сферам общественной жизни. Отсюда, принципы справедливости в одной сфере общественной жизни могут не совпадать с принципами справедливости в иной сфере³¹. В связи с этим изучение проблемы справедливости перемещается в несколько иную плоскость: не в плоскость нахождения единственно правильной валюативной модели справедливости, а плоскость поиска «рациональных оснований, которые позволили бы предпочесть какую-либо из них»³².

По отношению к нормативным концепциям справедливости не применимы гносеологические критерии истинности. Единственный критерий, который может быть взят за основу при выборе той или иной валюативной концепции справедливости – оценка адаптивного эффекта ценностных ориентаций, которые в них заложены (практически проверяемые критерии полезности, целесообразности и пр.). Но эти критерии не определяют истинность ценностных суждений о справедливости. Поэтому, когда нормативистские концепции постулируют модели справедливости, то следует понимать, что они относятся к сфере должного, а не сущего.

Таким образом, само понятие справедливости может быть отнесено к сферам должного (нормативное определение справедливости) и сущего

²⁵ Ролз Дж. Справедливость как честность // Логос. – 2006. – 1(52). – С.38.

²⁶ Сен А. Развитие как свобода / Пер. с англ. – М., 2004.

²⁷ Дворкин Р. Справедливость и права. Договор: Правосудие в России // Отечественные записки: Правосудие в России. – 2003. – №2 (11).

²⁸ Макинтайр А. После добродетели: Исследование теории морали / Пер. с англ. – М., 2000.

²⁹ Гуссерль Э. Избранные работы. – М., 2005.

³⁰ Момджян К.Х. Введение в социальную философию. – М., 1997. – С.74.

³¹ Печерская Н.В. Современный дискурс справедливости: Джон Роулз или Майкл Уолцер? // Общественные науки и современность. – 2001. – №2.

³² Прокофьев А.В. Мораль индивидуального совершенствования и общественная мораль: исследование неоднородности нравственных феноменов. Монография. – Великий Новгород, 2006. – С.203-204.

(дескриптивное определение справедливости, например, как она представлена в праве, политической и иных сферах общественной жизни). Вместе с тем обе эти сферы взаимосвязаны. Если дескриптивное определение справедливости строится как индуктивное обобщение эмпирических реалий, то в нормативных – логика построения справедливости как теоретического конструкта такая же, как и при построении любого идеализированного объекта. Идеализированный объект, в свою очередь, рассматривается как итог процесса идеализации. Обычно идеализация трактуется как предельный переход от фиксируемых в опыте свойств эмпирических объектов к крайним логически возможным значениям их интенсивности (0 или 1). В понятии «идеализированный объект» указывается на способ его происхождения. Наряду с операцией предельного перехода, в науке существует другой способ конструирования идеальных объектов – введение их по определению³³. В итоге получается, что нормативное определение справедливости может быть рассмотрено сквозь призму идеализации исторически конкретной модели существования справедливости.

В связи со сказанным трудно согласиться с утверждением, что справедливость в нормативном подходе лишена регулятивной функции. Это некорректно по нескольким соображениям: с одной стороны, оценка эффективности результата регулирования строится, в том числе, и на сравнении с идеалом, и в данном случае идеал входит в качестве целеполагания в регулятивную подсистему. Во-вторых, идеал как конечная цель предполагает и определенные способы достижения, то есть он регулирует возможные способы и средства достижения. Другое дело, что дескриптивная справедливость более конкретизирована, а точнее, детализирована путем реализации определенных программ (дистрибутивных, коммутативных, ретрибутивных)³⁴. Таким образом, справедливость в праве с позиций нормативного подхода – это некий идеал, к которому выстроенная система права должна стремиться. Существующая правовая система должна быть целенаправлена на нормативную справедливость и одновременно выверяться на соответствие требованиям такой справедливости.

Список литературы:

1. Аристотель. Сочинения. В 4-х томах. Том 4. Никомахова этика. Большая этика. Политика. Поэтика. – М.: Издательство «Мысль», 1976-1983. – 830 с.
2. Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства. – М.: Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – 415 с.
3. Вебер М. Избранные произведения: Перевод с немецкого /Составление, общая редакция и послесловие Ю.Н.Давыдова; предисловие П.П.Гайденко. – М.: Издательство «Прогресс», 1990. – 808 с.
4. Гуссерль Э. Избранные работы /Составление В.А.Куренной. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 464 с.

³³ Хмелевская С.А. Объективация концептуальных каркасов //Философия в современном мире. Сб. /Под ред. В.И.Маркина, В.А.Яковлева. – М., 2009.

³⁴ Пресняков М.В. Конституционная концепция принципа справедливости.

5. Дворкин Р. Справедливость и права. Договор: Правосудие в России //Отечественные записки: Правосудие в России. – 2003. – №2 (11). – С.128-137.
6. Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод //Журнал российского права. – 2008. – №12. – С.3-14.
7. Зотов А.Ф., Мельвиль Ю.К. Буржуазная философия середины XIX – начала XX века. Учебное пособие для философских факультетов университетов. – М.: Издательство «Высшая школа», 1988. – 520 с.
8. Ильин В.В. Философия и история науки. – М.: Издательство Московского университета, 2005. – 432 с.
9. Канарш Г.Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. – М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2011. – 236 с.
10. Лапаева В.В. Правовой принцип формального равенства //Журнал российского права. – 2008. – №2. – С.67-80.
11. Макинтайр А. После добродетели: Исследование теории морали /Перевод с английского В.В.Целищева. – М.: Издательство «Академический Проект»; Екатеринбург: Издательство «Деловая книга», 2000. – 384 с.
12. Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? //Государство и право. – 2003. – №6. – С.13-21.
13. Мишина И.Д. Нравственные ценности в праве: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Екатеринбург, 1999. – 26 с.
14. Момджян К.Х. Введение в социальную философию. Учебное пособие. – М.: Издательства: «Высшая школа», «Университет», 1997. – 448 с.
15. Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Часть 1. – М.: Издательство Московского университета, 2013. – 400 с.
16. Нерсисянц В.С. Философия права. Учебник для вузов. 2-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Издательство «НОРМА; ИНФРА-М», 2011. – 835 с.
17. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. Перевод с английского Б.Пинскера; под редакцией Ю.Кузнецова и А.Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2008. – 424 с.
18. Печерская Н.В. Современный дискурс справедливости: Джон Роулз или Майкл Уолцер? //Общественные науки и современность. – 2001. – №2. – С.77-88.
19. Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 642 с.
20. Пресняков М.В. Конституционная концепция принципа справедливости. – М.: Издательство «ДМК Пресс», 2009. – 384 с.
21. Прокофьев А.В. Мораль индивидуального совершенствования и общественная мораль: исследование неоднородности нравственных феноменов. Монография. – Великий Новгород: Издательство НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2006. – 283 с.
22. Ролз Дж. Справедливость как честность //Логос. – 2006. – 1(52). – С.35-60.
23. Сен А. Развитие как свобода /Перевод с английского Е.Полецкой; редакция и послесловие Р.М.Нуреева. – М.: Новое издательство, 2004. – 425 с.
24. Степин В.С. История и философия науки. – М.: Издательство «Академический Проект; Трикста», 2011. – 423 с.
25. Толстик В.А. От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права //Государство и право. – 2004. – №9. – С.13-21.
26. Хмелевская С.А. Объективация концептуальных каркасов //Философия в современном мире. Сборник /Под редакцией В.И.Маркина, В.А.Яковлева. – М.: Издательство «Полиграф Информ», 2009.
27. Хмелевская С.А. Современная российская теория права: поиски новых философских оснований //«Черные дыры» в российском законодательстве. – 2012. – №1. – С.31-38.

28. Хмелевская С.А., Соломатин В.А., Хмелевский С.В. Система гуманитарного и социально-экономического знания. – М.: Издательство «Пер Сэ», 2001. – 752 с.

29. Экономика: Учебник для вузов /Под редакцией Архипова А.И., Большакова А.К. Издание 3-е, переработанное, дополненное. – М.: ТК Велби; Издательство «Проспект», 2005. – 840 с.

Reference list:

1. Aristotle. Works. In 4 volumes. Volume 4. Nicomachean Ethics. Large ethics. Politics. Poetics. – M.: Publishing house «Thought», 1976-1983. – 830 p.

2. Bentham J. Introduction to foundation of morals and legislation. – M.: Publishing house «Russian Political Encyclopaedia» (ROSSPEN), 1998. – 415 p.

3. Dworkin R. Justice and rights. Contract: Justice in Russia //Domestic notes: Justice in Russia. – 2003. – №2 (11). – P.128-137.

4. Economy: Textbook for universities /Edited: Arkhipov A.I., Bolshakov A.K. 3rd edition, revised, enlarged. – M.: TC Welby; Publishing house «Prospect», 2005. – 840 p.

5. Husserl E. Selected works /Composition – V.A.Kurennaya. – M.: Publishing house «Territory of future», 2005. – 464 p.

6. Ilyin V.V. Philosophy and history of science. – M.: Publishing house of Moscow State University, 2005. – 432 p.

7. Kanarsh G.Y. Social justice: philosophical concepts and Russian situation. – M.: Publishing house of Moscow humanitarian university, 2011. – 236 p.

8. Khmelevskaya S.A. Modern Russian theory of law: searching of new philosophical foundations //«Black holes» in Russian legislation. – 2012. – №1. – P.31-38.

9. Khmelevskaya S.A. Objectification of conceptual frameworks //Philosophy in modern world. Collection of works /Edited – V.I.Markin, V.A.Yakovlev. – M.: Publishing house «Polygraph Inform», 2009.

10. Khmelevskaya S.A., Solomatin V.A., Khmelevsky S.V. System of humanitarian and socio-economic knowledge. – M.: Publishing house «Per Se», 2001. – 752 p.

11. Lapaeva V.V. Juridical principle of formal equality //Journal of Russian law. – 2008. – №2. – P.67-80.

12. Macintyre A. After virtue: Study of moral theory /Translation from English V.V.Tselischev. – M.: Publishing house «Academic project»; Yekaterinburg: Publishing house «Business book», 2000. – 384 p.

13. Martyshin O.V. Will be combine main types of law understanding? //State and law. – 2003. – №6. – P.13-21.

14. Mishina I.D. Moral values in law: Abstract of thesis of dissertation for competition of scientific degree of candidate of juridical sciences. – Yekaterinburg, 1999. – 26 p.

15. Momdjian K.H. Introduction to social philosophy. Textbook. – M.: Publishing houses: «High school», «University», 1997. – 448 p.

16. Momdjian K.H. Social philosophy. Activity-based approach to analysis of individual, society, history. Part 1. – M.: Publishing house of Moscow State University, 2013. – 400 p.

17. Nersesyants V.S. Philosophy of law. Textbook for high schools. 2nd edition, revised and enlarged. – Moscow: Publishing house «NORM; INFRA-M», 2011. – 835 p.

18. Nozick R. Anarchy, state and utopia. Translation from English B.Pinsker; edition Y.Kuznetsov and A.Kuryaev. – M.: RRISES, 2008. – 424 p.

19. Pecherskaya N.V. Modern discourse of justice: John Rawls and Michael Walzer? //Social sciences and modernity. – 2001. – №2. – P.77-88.

20. Polyakov A.V. General theory of law. Course of lectures. – St. Petersburg: Publishing houses «Juridical centre Press», 2001. – 642 p.

21. Presnyakov M.V. Constitutional concept of principle of justice. – M.: Publishing house «HMB Press», 2009. – 384 p.

22. Prokofiev A.V. Moral of individual improvement and public moral: study of heterogeneity of moral phenomena. Monograph. – Veliky Novgorod: Publishing house of Novgorod State University named after Yaroslav Wise, 2006. – 283 p.

23. Rawls G. Justice as fairness //Logos. – 2006. – 1(52). – P.35-60.

24. Sen A. Development as freedom /Translation from English E.Poletskaia; editor and afterword P.M.Nureev. – M.: New publishing house, 2004. – 425 p.

25. Stepin V.S. History and philosophy of science. – M.: Publishing house «Academic Project; Triksta», 2011. – 423 p.

26. Toulstik V.A. From pluralism of law understanding to fight for law content //State and law. – 2004. – №9. – P.13-21.

27. Weber M. Selected works: Translated from German /Drafting, general editing and afterword – Y.N.Davydov; preface – P.P.Gaydenko. – M.: Publishing house «Progress», 1990. – 808 p.

28. Zorkin V.D. Valuative approach into constitutional regulation of rights and freedoms //Journal of Russian law. – 2008. – №12. – P.3-14.

29. Zotov A.F., Melville J.K. Bourgeois philosophy mid XIX – early XX century. Textbook for philosophical faculties of universities. – M.: Publishing house «High school», 1988. – 520 p.